

16+

МАЙК РОНИН

**РАССКАЗЫ
СО СМЕХОМ**

Майк Ронин

Рассказы со смехом

«Издательские решения»

Ронин М.

Рассказы со смехом / М. Ронин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930165-9

В детстве я зачитывал сатирический журнал «Крокодил» до дыр. С тех пор любовь к этому жанру осталась навсегда. В этом небольшом сборнике есть юмор, сатира и фельетон. Одним словом, всё, чтобы приятно провести время с книгой.

ISBN 978-5-44-930165-9

© Ронин М.
© Издательские решения

Содержание

ХОРОШИЙ ДЕНЬ	6
ПОДРУГИ	10
ЗАПОЗДАЛОЕ ТАНГО	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Рассказы со смехом

Майк Ронин

© Майк Ронин, 2024

ISBN 978-5-4493-0165-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Министерство Хороших Дел располагалось на последнем этаже административного здания, как бы подчёркивая его главенствующую роль в сложной иерархической системе управления регионом. С этим выводом был абсолютно согласен его руководитель – Квачкин Иван Арнольдович. Отсюда, из окна его кабинета, открывался прекрасный вид на город. Обустроенный по всем правилам геометрической науки, начищенный до блеска и обсаженный цветами, ровно на столько, насколько хватало угла обзора из окна, он служил источником вдохновения для Ивана Арнольдовича.

Денёк выдался жаркий, на календаре – пятница, а на часах – четырнадцать тридцать. Кондиционер в кабинете министра сломался ещё с утра, и послеобеденная жара прокралась через открытое окно и совершенно вывела Ивана Арнольдовича из рабочего состояния. Не спасал положение и вентилятор, занудно гудевший на подоконнике. Именно по этой причине, его недюжинное тело приняло единственно возможное из всех правильных положений: оно распласталось на кресле, откинуло голову на подголовник и с невероятным усилием взгромоздило ноги на угол стола. В этом положении Квачкину и думалось иначе. Мысли текли легко и непринуждённо, соревнуясь друг с другом. Министр обдумывал план мероприятий (естественно своих) на выходные. Поскольку его жена, Аделаида Степановна, приводила своё тело и душу к единому знаменателю в спа-салонах Лазурного побережья, то Ивану Арнольдовичу представился невероятный шанс провести время с пользой (для себя естественно). В нём боролись два желания: игра в гольф со своим коллегой из министерства этажом ниже, с последующим просмотром подающей надежды женской танцевальной группы в его (коллеги-министра) загородном доме. Или рыбалка на озере неподалёку от его собственного загородного дома, опять же с просмотром того же самого коллектива. Он уже начал склоняться ко второму варианту, когда услышал:

– Иван Арноль... – помощник всегда проглатывал окончание, поскольку в этом месте Квачкин обычно делал какой-нибудь жест рукой, означавший: «Садись!», «Докладывай!» или «Подожди-ка!».

На этот раз Квачкин вздрогнул всем телом, словно уколол палец, сдёрнул ноги со стола и сделал подобающе серьёзное лицо. Потом, разглядев сквозь толстые линзы очков своего помощника, выпалил:

– Ну, Петухов!..

Затем он многозначительно потряс пальцем в воздухе.

– Ты это...

Мысль он так и не закончил, не найдясь, что добавить в адрес Петухова, так как все эпитеты он уже израсходовал ранее, а новые никак не приходили на ум.

– Иван Арноль... – снова начал Петухов. – Как быть со встречей министра?

– Какого министра? Кто министра? – рыбалка с последующим просмотром танцевального коллектива никак не отпускала его мысли.

– Ну, как же! – помощник изобразил, отработанную годами, наимилейшую улыбку. – Министра из Министерства Хороших Дел сопредельного государства.

– Сопредельного государства? – испуганно переспросил Квачкин, при этом глаза его забегали, как будто министр из сопредельного государства должен был вот-вот войти. – Как? Почему? Когда?

– Ну так в понедельник же, в десять ноль ноль. По обмену опытом, так сказать. Я докладную неделю назад подавал, – добавил помощник.

Он вытянулся в ожидании очередного: «Ну, Петухов!» и даже стал как будто уже, словно хотел спрятаться за стоявшую рядом рогатую вешалку.

– Ну, Петухов!.. – Квачкин снова потряс пальцем руки в воздухе. – Ты моей смерти хочешь? Подавал он! А проверить?

Помощник проворно подскочил к столу, сверкая зальсиной с одинокой прядью волос, и указал на папку:

– Так вот же.

На этот раз Квачкин сделал жест, означавший: «Садись!» и начал изучать докладную. Минут через пять раздалось глубокомысленное:

– Хм, хм! Так значит он по обмену опытом?

– Не он, а она, – робко вставил помощник.

Брови Квачкина хищно взметнулись над оправой очков, что с ним бывало в моменты сильного удивления.

– Женщина значит?! – он снова уткнулся в докладную.

А затем ещё спустя пару минут:

– Так ты что же? Предлагаешь организовать культурную программу для гостя в Доме Культуры Армии?

– Ну да, – опять ответил помощник с неизменной улыбкой. – Встретим, понимаешь ли, с нашим Краснознамённым, – Петухов радостно взмахнул кулаком, – песни и пляски! А потом торжественный обед. Всё как положено.

– Да, подожди ты, – небрежно отмахнулся Квачкин. – Распугать всех хочешь своим Краснознамённым! Ты это вот что... В Региональном Театре Комедии организуем. Там и размах есть и монументальность определённая, – Иван Арнольдович вскочил с кресла и начал расхаживать по кабинету, как полководец. Он уже почувствовал себя Кутузовым накануне сражения, как вдруг послышался извиняющийся голос Петухова:

– Никак нельзя в Театре Комедии.

– Это почему ещё? – министр остановился и с вызовом принял позу выдающегося генерал-фельдмаршала.

Петухов так и представил себе шефа в фуражке, с чёрной лентой, закрывающей глаз и попугаем на плече. «Пожалуй, попугай будет лишний...» – подумал он.

– Ну так что там у нас с Театром Комедии? – голос генерал-фельдмаршала вернул Петухова к действительности.

Он аккуратно зашёл к начальнику сбоку и на полтона ниже сказал:

– У нас там по документам второй год ремонт идёт.

– Ну, Петухов! Второй год ремонт, а я не в курсе, – Квачкин ослабил галстук и поводит подбородком вправо-влево. – Какого чёрта они там два года делают?

– Так стройматериалов же нет, Иван Арноль... – Петухов вжал голову в плечи и вытянул руки вперёд.

– Как нет! А где же они? – Квачкин упёрся рукой в бок и подошёл к зеркалу, с удовлетворением разглядывая свой величавый образ.

Помощник весь съёжился. Пиджак на Петухове стал на два размера больше, словно он собрался дух испустить.

– Так как же?.. Я вам показывал... а вы... ну помните те сметы...

Квачкин на секунду задумался, пытаясь припомнить столь незначительную вещь, обошёл стол и сел в своё кресло. Потом на него словно озарение опустилось, да так, что он втянул голову в плечи. Он вдруг вспомнил мраморную облицовку фасада своего загородного дома, а также красивую крышу цвета бордо и гравийные дорожки в саду. Не в силах ворочать головой, Квачкин всем телом повернулся назад в сторону, висевшего за спиной портрета. Когда он развернулся обратно, Петухов с ужасом заметил, что глаз Ивана Арнольдовича не было видно, потому что очки запотели изнутри. Квачкин снял очки, протёр их платком и с досадой заметил:

– Да, Петухов! С Театром Комедии мы, пожалуй, погорячились. Нужно искать другое место, а то, понимаешь, такая комедия получиться может.

Но дух противоречия уже поселился в неумной голове Ивана Арнольдовича, а удила были закусены. Он начал энергично расхаживать по кабинету, а потом подошёл к длинному приставному столу и как опытный игрок в бильярд опёрся на него руками.

– А что, Петухов, если мы проведём встречу в более, так сказать, кулуарной обстановке, на берегу озера? Взять, например, мой дом – прекрасный образец архитектуры! – неожиданно выдал он.

«Вот же, сколько лет работает, а хватки не потерял!» – подумал Петухов. Его глаза заблестели, в предвкушении, что ему придётся заняться делом, в котором ему не было равных. Сметы, расходы, договоры, тендеры – Петухов мог с ловкостью жонглёра представить всё это в выгодном свете для проверяющих органов.

– Гениально, Иван Арноль... – восхищённо воскликнул он.

Квачкин торжественно выпрямился, заложил руки за спину и дал Петухову ещё немного полюбоваться собой.

– Итак! Надо подготовиться. Какие у нас там статьи расходов по Театру Комедии остались? – спросил Квачкин, повернувшись в пол-оборота к окну.

– Мебель, реквизит и декорации, – не моргнув глазом отчеканил Петухов. – Я сейчас, мигом!

Петухов со скоростью, которой позавидовал бы сам король лыжи Бьёрндален, вылетел из кабинета, оставив Квачкина с открытым ртом. Спустя пару минут он появился в кабинете с кипой каталогов, документов и планшетом. Иван Арнольдович одобрительно покачал головой:

– Вот не зря Петухов, я тебя учил уму-разуму. Теперь с полуслова понимаешь. Ну что там у тебя?

– Я думаю, начнём с мебели, – обрадовался Петухов и раскидал каталоги по столу.

– Правильно думаешь, а то у меня в гостиной... то есть в фойе театра, совсем мебель поизносилась. Только ты давай там получше выбери, гость зарубежный! – Квачкин сделал движение головой вперёд, намекая на важность мероприятия.

Помощник натренированной рукой пролистал все каталоги и, схватив один из них, решительно распахнул его перед Квачкиным:

– Вот! Набор мебели «Император».

Квачкин поправил золочёную оправу очков, посмотрел и спросил:

– А не слишком?

– Так ведь зарубежный гость, – ответил помощник, копируя интонацию шефа.

– Ты прав Петухов, нельзя ударить в грязь лицом!

– Никак нельзя, – поддакнул помощник.

– Да, посуда у меня там... – Квачкин посмотрел на Петухова из-под лобья, – в театре...

– Запишем, как реквизит, – со знанием дела продолжил мысль Петухов.

– И знаешь, что ещё! Лодку на озеро надо... такую с парусом, метров пять-шесть, – вошёл во вкус Квачкин.

– В аренду возьмём?

– Зачем аренду? – удивился министр. – У нас, когда по срокам окончание ремонта в театре?

– Через год, – удивился Петухов.

– Вот! А через год мы сдвинем сроки и запросим дополнительное финансирование, – выдал Квачкин свой шах и мат.

– А-а... – Петухов хлопнул себя по лбу.

– А-а-а... – передразнил его Квачкин. – Учиться тебе Петухов надо, учиться!

– Значит, лодку с парусом запишем как декорацию, – подытожил помощник. – Теперь собственно с культурной программой. Предлагаю певицу. Вот, – Петухов ловко потыкал в планшет и поднёс его шефу. – Соседний регион заказывали, остались очень довольны.

Квачкин пристально посмотрел в планшет, нахмурил брови и сказал:

– А почему это она всё время спиной стоит? Да и понимаешь Петухов, – Иван Арнольдович постучал кулачками друг о друга. – Минус на минус, никак плюс не получится! К тому же у меня и так женский танцевальный коллектив намечается.

– А-а... понимаю, мужчина нужен, – Петухов снова сделал пару пассов над планшетом. – Тогда вот! Красавец-мужчина. Пиджачок, причёска и борода – всё как надо. Женщинам нравятся. Михайловский – фамилия.

– И во сколько нам встанет этот, как его...

– Михайловский, – повторил Петухов.

– Вот, вот, Михайловский! – наконец, запомнил Квачкин.

Петухов взял бумажку со стола шефа и накалякал на ней цифру.

Квачкин сначала выпучил глаза, потом плотно сжал губы и молча махнул рукой пару раз вправо-влево то, разжимая кулак, то, сжимая его обратно. Петухов перевёл для себя этот жест как: «Эх, была, не была!» и сделал пометку в блокноте. Тут в недрах министерского пиджака зазвенел, заулюлюкал и запел смартфон. Квачкин долго рылся во внутреннем кармане, а затем вынул оттуда девайс последней модели с гербом министерства на тыльной стороне. Он, не глядя, ткнул пальцем в экран и сурово ответил:

– Квачкин!

Тут с Иваном Арнольдовичем произошли какие-то метаморфозы. Он отдёргнул смартфон, словно тот укусил его за ухо и слегка присел от испуга, став похожим на барбоса в ожидании наказания. Петухов явственно услышал из смартфона деловитый голос Аделаиды Степановны: «Ваня! Я вся в расстроенных чувствах. Совершенно не умеют работать с клиентами. Скучно! Возвращаюсь домой, завтра вечером буду. Встречай!»

Дело в том, что всем, чего достиг Квачкин, он был обязан жене, вернее тестю, который уже отошёл от дел, но имя, которого до сих пор боялись произносить вслух, а лишь показывали пальцем вверх, закатывая при этом глаза. Квачкин безвольно сел на ближайший стул, ещё ослабил галстук, расстегнул вторую пуговицу рубашки, так как первая и так не застёгивалась, и произнёс:

– Давай Петухов, свой Дом Культуры Армии и Краснознамённый... песни и пляски.

ПОДРУГИ

Кафе с бойким названием «Le grand», на самом деле было не таким уж и выдающимся, но, тем не менее, здесь было довольно уютно, чистенько и выбор блюд был вполне себе приличный. Картину дополняли большие окна, через которые можно было наблюдать за прохожими, искусственные цветы в горшках на подоконниках и чудодейственный аромат кофе. Именно здесь договорились встретиться две закадычные подруги в то время, когда основной поток голодных офисных работников уже схлынул, а туристы, свободные художники, рантье и другие любители ничего неделанья ещё не подтянулись.

– Танюша! Давай сюда! – эффектная посетительница лет тридцати в платье цвета топленого молока с безупречным макияжем и вьющимися русыми волосами махала рукой подруге.

– Люся! Привет! – та, кого называли Танюшей, была компактной женщиной с причёской-каре цвета меди, тонким вздёрнутым носиком и лисьими глазками.

Таня подошла к столику у окна, где Люся уже стояла с распостёртыми объятиями. Подруги обнялись, как положено, мастерски чмокнулись, даже не задев друг друга губами, и расселись за столом. Тут же прибежал официант и встал наизготовку с блокнотом. Люся Бровкина, пробежав меню глазами, взяла салат с зеленью и яйцами, а к нему капучино. Татьяна Ковалькова выбрала «Цезарь» и зелёный чай с жасмином. Официант всё записал, озвучил заказ и, получив согласие, убежал. Подруги же начали обсуждать целый «вал» проблем (никак не меньше), свалившихся на их бедные головы за полдня.

– Представляешь, у меня сегодня голова просто кругом идёт. Конец месяца, отчёты не готовы, начальник лютует. Да ещё Хвостов под меня копает, надеется на повышение. Представляешь, Хвостов – эта бездарь! – Ковалькова посмотрела в окно, желая приплести сюда ещё и плохую погоду для усиления эффекта, но погода стояла как назло солнечная, поэтому она картинно закрыла глаза и молча покачала головой из стороны в сторону. – В кафе еле вырвалась!

– А у меня, представь себе, всего пара клиентов сегодня была, чуть не заснула. Вчера полно народу было, а сегодня – голяк! – начала делиться новостями подруга. – Сначала какая-то тётка непонятная с утра припёрлась. Сидела, сидела, смотрела, выбирала, а потом заявила: «Я подумаю!» и тихонечко за дверь. Можешь, себе представить? Она подумает! Зачем приходила? Затем маменькин сынок нарисовался. Сам не знает, чего хочет – то ему не то, а это ему не это. Сделай ему отель и чтоб на берегу был, и чтобы центр близко был, и за смешные деньги, – Люся Бровкина сопровождала свой рассказ убедительными жестами и мимикой.

– Угу, – понимающе буркнула Таня, соображая, чем ещё удивить подругу.

– Я ему говорю: «Молодой человек – это минимум четыре звезды», – Бровкина картинно растопырила четыре пальца. А он мне: «Я видел в интернете, что и три звезды за эти деньги есть!» Люся картинно выдержала паузу, для пушшего эффекта.

Как раз в это время официант принёс заказ, ловко расставил тарелки и чашки на столе, постоял пару секунд и, не получив больше никаких инструкций, снова убежал.

– Ну и как с такими работать прикажешь?! В кошельке ничего, а отдыхать хотят... – продолжала Люся. – Вон, кстати, на того за соседним столиком похож был. Свитерок ещё со школы, наверное, брюки короткие, голые ноги торчат, – резюмировала Бровкина, после беглого осмотра молодого человека.

Таня Ковалькова, оценивающе просканировала парочку за соседним столом, потом с удовлетворением оценила свой костюм нежно-салатного цвета и выдала:

– Да уж! Подружка у него тоже – что надо! Кофточка из бабушкиного сундука и ботинки – «прощай молодость». Ну мышка мышкой. Мороженое заказали, наверняка сейчас в кино пойдут, – губы Тани Ковальковой язвительно съехали набок.

– И не говори! Разве мы такими были? – спросила Люся, похрустывая листьями салата.
– Никогда! – железобетонно ответила Ковалькова, сделав серьёзное лицо для убедительности.

– Вот именно, никогда! – ещё более железобетонно подтвердила Бровкина, достала зеркальце и подкрасила свои пухлые губы. – Кстати, смотри! У меня новый мастер, – она выставила руку вперёд, демонстрируя свой маникюр.

– Вполне! – не очень уверенно одобрила подруга.

– Скажешь тоже, вполне! Люксово! – возразила Люся.

Лак цвета бордо с перламутром гармонировал с губной помадой Бровкиной. Она гордо растопырила пальцы перед собой, покрутила кистью, сама повосхищалась, а потом добавила:

– Мужчина! – она сделала паузу. – Ну как мужчина... – Люся выпучила глаза, намекая на неоднозначность вывода. – Такой прямо весь...

– Да ты что?! Никогда не встречала мужчину-мастера по маникюру, – Таня хитро прищурила глазки, жуя курицу из салата. – Дашь телефончик?

Бровкина была довольна произведённым на подругу эффектом. Она жеманно порылась в сумочке и передала Тане визитку мастера. Парочка за соседним столиком расплатилась и ушла, обсуждать стало некого. Был, правда, один перспективный мужчина в светло-сером костюме, красивом галстуке и дорогих часах, но он предательски быстро выпил чашку кофе и испарился, не оставив подругам никаких шансов. Люся с кислой улыбкой вздохнула, подцепила последний кусочек варёного яйца на вилку и показала подруге:

– Вот посмотри, в середине немного недоваренное. Не понимаю? Ну яйца-то сварить – это куда уж проще! Что тут сложного? – и отправила кусочек в рот.

– Как ты права, Люся, – подтвердила Ковалькова. – Вот я, когда яйца варю, сначала дождусь, пока вода закипит, а потом беру столовую ложку, кладу туда яйцо и опускаю его в кипяток. Десять минут и вуаля! – она сделала изящный жест рукой в воздухе, потом взяла свой чай и отпила из чашки. – А потом остаётся только залить яйца холодной водой. Всего-то и делов!

– Ну то, что – десять-то минут, это понятно, но класть нужно в холодную воду, а через пять минут варки выключить плиту и оставить яйца доходить в горячей воде! – Бровкина прикусила губу, мотнула головой с видом знатока и сделала глоток кофе.

– Ну ты даёшь, Люся! – возразила подруга. – Так только бабушки делают. Яйца переварятся, желтки с синевой будут. Уж мне-то поверь, знаю, о чём говорю! Сколько своему бывшему яиц сварила?!

– Хочешь сказать, что я не знаю? – с вызовом заявила Бровкина и, чтобы убить наповал, добавила:

– И насколько я помню, Ковальков твою стряпню не очень-то жаловал, раз уж ты его приплела.

Таня Ковалькова внутренне напряглась, даже лицо у неё побелело, но виду не подала. По её глубокому убеждению, обсуждать свой прошлый брак можно было только с её же, несомненно, правильной позиции. Тут подруга перешла черту.

– По крайней мере, уж твой-то последний торт был... как бы это сказать, немного суховат, – как ни в чём не бывало, заметила Ковалькова, быстро перебирая пальчиками левой руки в воздухе и даже не взглянув на подругу.

Люся начала лихорадочно придумывать, чем ответить на выпад.

– Зато твой джемпер, так просто отличный подарок, был! Мне блондинке додуматься, подарить какой-то коричневый старушечий цвет! – Люся картинно закатила глаза кверху и сделала жест рукой, по всей видимости, не очень приличный. – Я вообще, Танюша, давно заметила, что вкус у тебя очень оригинальный.

Таня спокойно отпила из чашки и ответила:

– Ну, во-первых, не джемпер, а бадлон. Во-вторых, не коричневый, а баклажанный.

– Баклажанный! – передразнила Бровкина. – Таня, ну где я и где баклажанный? Ну, ты даёшь, – она откинулась на спинку стула.

Здесь, по её мнению, и обсуждать-то было нечего. Свой стиль она считала безупречным и как бы, чтобы лишний раз удостовериться в этом выдвинула ногу и посмотрела на красивый серый сапог.

– Люся! Как подруга тебе говорю: ты себя переоцениваешь! Не потому ли твой Гарик внезапно уехал в длительную командировку, где со связью плохо? – ехидно заметила Таня, прищурив глаза.

Чаша терпения Бровкиной переполнилась, видимо, укол достиг своей цели. Она вскочила, нервно схватила сумочку и выпалила:

– Ну, знаешь, подруга! Пойду-ка я лучше... работать!

ЗАПОЗДАЛОЕ ТАНГО

*По мотивам открытого письма
Николая Казмина «Ненавижу»*

Сергей Борисович Курочкин, бубня на ходу что-то нечленораздельное и размахивая рукой перед невидимым оппонентом, наконец-то добрался до регионального министерства образования. Целую неделю он репетировал речь, с которой собирался обратиться к вышестоящему руководству. Всю его сущность раздирало чувство противоречия, которое неизбежно возникало, когда он получал очередной документ-инструкцию из министерства. Будучи человеком чувствительным и в какой-то степени даже ранимым, Курочкин всякий раз давал волю эмоциям при виде министерской писанины, но являясь человеком ответственным, был вынужден следовать, спущенным сверху инструкциям: как, чего, сколько и так дальше по списку. С необычайной лёгкостью Курочкин взлетел на третий этаж, перескакивая ступеньки – хореограф как-никак, хоть и годы уже не те. Потом ещё небольшой квест по перпендикулярно-параллельным коридорам учреждения и вот он уже стоит перед дверью начальника отдела среднего специального образования с надписью: «Сумасбродова Ольга Альбертовна». Курочкин зажал портфель под мышкой, поправил бордовый галстук в полоску, постучал два раза, хотел было стукнуть ещё раз, но передумал. Затем он, взяв всю свою волю в кулак, приоткрыл дверь и просунул голову. Сумасбродова увлечённо разговаривала по телефону, а на подоконнике слева от неё тихо мурлыкало радио. Завидев Курочкина, она с неохотой бросила в трубку: «Танечка Игоревна, я тебе минут через пять перезвоню». «Пять минут!» – с негодованием подумал про себя Сергей Борисович и протиснулся в кабинет.

– А-а, Курочкин! Проходите! – Ольга Альбертовна сняла очки и величественно откинулась назад в кресле.

Это была довольно энергичная женщина средних с плюсом лет, вся совершенно округлая (Кустодиев был бы в восторге), с высоким залаченным начёсом из волос светло-жёлтого цвета на голове, и в бежевом костюме, состоящим из юбки и жакета.

– Что же вы, Сергей Борисович, всю отчётность нам портите?!

Курочкин, с достоинством и благородством, свойственным, видимо, только преподавателям хореографического училища, прошёл и сел на стул, указанный Сумасбродовой.

– Ну как же? Я ведь писал... предупреждал! – гордо заявил Курочкин, вытянувшись и раздувая ноздри, как необъезженный жеребец.

– Сергей Борисович... дорогой... – отмахнулась начальница, неодобрительно покачивая головой. – У нас тут не дураки сидят! – Ольга Альбертовна сложила пухлую ручку в виде человечка и, подняв её вверх, изобразила, как будто человечек спускается по ступенькам. – И субординация имеется! – пухлый пальчик указал на потолок.

Курочкин инстинктивно посмотрел на потолок, но потом спохватился и ответил:

– Но ведь это же никак невозможно! Вы только посмотрите на это! – преподаватель стал лихорадочно рыться в портфеле, пока начальственная дама постукивала пальчиком по столу. – Ага! Вот! – победоносно воскликнул Курочкин, выудив нужный документ. – Классический, народный, бальный и современный танец – один год! – Сергей Борисович посмотрел на Сумасбродову из-под лобья, желая оценить эффект от произнесённой информации, но гладкое розовое лицо чиновницы ровным счётом ничего не выражало. – Основы управленческой деятельности – тоже год! – Курочкин пригвоздил пальцем отчёт к столу и снова посмотрел на даму.

– Дайте-ка мне посмотреть, – наконец произнесла Ольга Альбертовна и вытянула ручку. – Так, так, так...

Она быстро пролистала отчёт и выдала резюме:

– У-у, Сергей Борисович, да у вас тут полный швах!

– В каком смысле, швах?

– Ну вот же, смотрите, – Сумасбродова развернула документ к Курочкину. – Одного столбика в табличке не хватает. Организационно-управленческая деятельность, где?

Курочкин остолбенел, потом снова поправил галстук и изрёк:

– Так ведь основы же управленческой...

– Нет, нет, нет, голубчик! – перебила его Сумасбродова, опять недовольно качая головой. – В организационно-управленческую деятельность входит несколько направлений и основы управленческой деятельности только одно из них! И так у вас тут, почти на каждой странице – чего-нибудь не хватает: то параграфа, то столбика, то пункта, то учебные часы не совпадают! – чиновница с ловкостью карточного шулера пролистала двадцать страниц документа пред носом Курочкина.

– Так ведь мы же хореографическое училище, – вытирая испарину платком со лба, взмолился преподаватель.

– Вот именно! – подхватила Сумасбродова. – Училище! А училище – это что? А училище – это образование. А мы здесь – министерство образования! – она надела очки и посмотрела сквозь них на Курочкина, словно рентгеновский аппарат.

– Так нельзя же на танец отдавать по два часа в день, а на всё остальное, не пойми на что, аж целых четыре! – взмолился Курочкин.

– А это как посмотреть, уважаемый Сергей Борисович! Вот ваши ученики танцевать, как долго собираются?.. Вот то-то и оно! А диплом, – Ольга Альбертовна сняла очки, выставила вперёд одну ладошку и хлопнула по ней другой, – на всю жизнь! Вот, к примеру, в торгово-строительном тоже недавно, что учудили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.